

Ковалев А. С. Регулирование интимных отношений в инвалидных домах как направление социальной политики Советского государства в 1920—1930-х годах / А. С. Ковалев // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 352—364. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-352-364.

Kovalev, A. S. (2018). Regulation of Intimate Relations in Homes for Disabled as a Direction of Social Policy of Soviet State in 1920—1930s. *Nauchnyy dialog*, 12: 352-364. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-352-364. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(47)“192/193”:316.47

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-352-364

Регулирование интимных отношений в инвалидных домах как направление социальной политики Советского государства в 1920—1930-х годах

© **Ковалев Александр Сергеевич (2018)**, orcid.org/0000-0002-5372-8930, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия), профессор кафедры социальной педагогики и социальной работы, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия), alexkovaleff@yandex.ru.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения становления и развития советской государственной социальной политики в отношении нетрудоспособного населения в 1920—1930-х годах, ориентированной в том числе на регулирование интимных отношений в инвалидных домах. Ставится вопрос о пределах допустимого вмешательства органов социального обеспечения в частную жизнь людей, находящихся на попечении у государства. Изучаются взгляды общества и государства на проблему интимных связей между инвалидами в учреждениях социального обеспечения, возможность нетрудоспособных граждан создавать семьи с детьми. Анализируются конкретные сюжеты, позволяющие рассмотреть специфику регулирования интимных отношений в инвалидных домах. Уделяется внимание мнениям представителей советской евгеники относительно того, могут ли инвалиды иметь детей. Приводятся данные о том, как решались вопросы с беременностью среди проживающих в инвалидном доме. Сделан вывод о том, что советские органы власти существенно ограничивали автономность нетрудоспособных лиц в инвалидных домах, что наиболее ярко выражалось в запрете на интимные отношения. Автор считает, что для самих инвалидов сексуальные отношения оставались частью повседневности и были своеобразным «доказательством жизни» после помещения в специализированное учреждение социального обеспечения.

Ключевые слова: инвалидные дома; инвалиды; интимная жизнь; евгеника; сексуальные отношения.

1. Введение

Интимные отношения — это неотъемлемая часть жизни любого человека, и инвалиды не исключение. Существует много различных видов инвалидности, которые сопровождают ее носителя всю жизнь, но при этом естественные биологические функции организма не страдают. Сексуальные отношения относятся к личной жизни граждан, которая предполагает минимальное вмешательство государства в данную сферу, ограниченное содействием инвалиду в осуществлении им права реализовать свои возможности, принимать решения, касающиеся собственной жизни — в том числе касающиеся выбора семейного положения, права иметь или не иметь детей.

К сожалению, современное общество в вопросе права инвалидов на интимную жизнь недалеко ушло от той ситуации, которая сложилась в XX веке. В правовой науке по-прежнему отсутствует такой объект охраны, как интимная сфера повседневной жизни человека. Между тем свобода выбора и реализации сексуального поведения есть один из элементов свободы личности, и правовая регламентация сексуального поведения не должна ущемлять интересов личности, государство не вправе вторгаться в сферу интимных отношений человека. Каждый взрослый человек вправе сам решать, с кем и в какой форме удовлетворять свои интимные потребности.

Особый взгляд на возможности человека с инвалидностью в нашем обществе начал формироваться в первые десятилетия советской власти, когда одной из ценностей пролетарского общества становится здоровое тело человека. Только трудящийся, ведущий правильный образ жизни, может иметь здоровое тело и, значит, быть активным строителем социализма, отдающим свой телесный ресурс ради процветания пролетарского общества. Следовательно, государство при проведении политики должно было обращать внимание на то, чтобы она отвечала потребности в поддержании и воспроизводстве «здорового» общества. Понятно, что из такой политики автоматически исключались лица с искалеченными телами, то есть люди с инвалидностью, и в первую очередь те, кто был изолирован в специализированных учреждениях.

В этот период регулировать интимные отношения среди инвалидов были призваны органы, на которые была возложена реализация государственной социальной политики. В контексте настоящего исследования

она выступала в качестве своеобразного «социального администратора», который не только предоставляет услуги населению, но и осуществляет классификацию населения с целью установления нормы и выявления девиаций. В связи с этим одним из ее ориентиров становится «регулирование человеческих ресурсов, включая специфические практики дисциплинарного управления через манипуляции телами граждан» [Романов и др., 2004, с. 116—117].

Советское государство воспринимало инвалидов только как субъектов, из которых еще можно выжать (говоря языком того времени — «утилизировать») остатки работоспособности, но не как носителей гендерной идентичности и сексуальности, отказывая им в способности исполнять привычные (в том числе сексуальные) социальные и гендерные роли. Сексуальность инвалидов попадала в фокус властных отношений, превращаясь в инструмент социального контроля, который проявлялся в социальной враждебности и с точки зрения государства выражался в запретах негативной евгеники, которая регулировала воспроизводство здорового поколения советских граждан.

Тема регулирования сексуальных отношений в отечественной науке, в том числе в исторических исследованиях, крайне табуирована. Однако 1920—1930-е годы в последнее время все чаще привлекают внимание историков, которые пытаются обратиться к теме отношений между полами. Этих работ не так много, тем не менее в них можно выделить несколько направлений.

Часть исследований посвящены сексуальной революции в годы нэпа, особенностям советского экспериментирования в сфере взаимоотношения полов [Анурин, 2000; Савчук, 2017]. Другие публикации посвящены вопросам восприятия обществом и государством проституции в 1920—1930-х годов и мерам ее ограничения [Лебина и др., 1994; Панин, 2005]. Еще одно направление — это политика в области «полового вопроса» и сексуального просвещения, соответствие сексуального поведения представлениям о норме и аномалии [Лебина, 2016; Пушкарев, 2007].

Однако интимная жизнь нетрудоспособных лиц в имеющихся работах в худшем случае замалчивается, в лучшем случае — рассматривается как проблематичная. Инвалидам и в прошлом, и современном российском обществе по-прежнему отказывают в праве на интимную жизнь, праве иметь детей, праве на медицинское обслуживание в связи с беременностью.

В зарубежной историографии тоже всего в нескольких работах (М. и Д. Фитц-Джеральды, Л. Уильямс и Н. Найнд, Т. Шекспир и др.) следуются исторические представления о «нормативной» сексуальности

инвалидов в европейской культуре, однако история интимной жизни советских нетрудоспособных граждан также не охватывается [Fitz-Gerald et al., 1985; Shakespeare et al., 1996; Williams et al., 1999].

В отечественной историографии сюжеты, обусловленные тематикой исследования, фрагментарно представлены только в работах П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой [Романов и др., 2006], а также А. С. Ковалева [Ковалев, 2013а; Ковалев, 2013б]. В настоящей статье была поставлена цель — изучить особенности регулирования интимной жизни нетрудоспособных лиц в инвалидных домах, рассмотреть на конкретных примерах проблемы восприятия заведующими и чиновниками взаимоотношений между полами, специфику советского евгенического подхода к инвалидам.

2. Интимная жизнь советских граждан и сексуальное поведение инвалидов

Как пишет А. А. Савчук [Савчук, 2017, с. 25] со ссылкой на А. Коллонтай, советское общество 1920—1930-х годов «было не готово к признанию интимных отношений как неперемнной части жизни <...> Интимные отношения, выходящие за рамки традиционной морали <...> подлежали регламентации», в том числе «отказ от потомства, если существовал риск передачи по наследству какой-либо болезни» [Коллонтай, 1920, с. 33—34].

Советское государство в первые десятилетия после гражданской войны осуществляло контроль над инвалидами, в том числе через приватную сферу, которая превращалась «в полигон борьбы за норму», где главным критерием становится «социальная полезность, а не достоинство человека» [Романов и др., 2006, с. 82].

Советское общество было подвержено типичным мифам о сексуальности нетрудоспособных лиц: 1) инвалидов вообще не интересуют половые отношения; 2) инвалидность (в любой ее форме) порождает неспособность к половой жизни; 3) инвалиды могут вступать в браки только с себе подобными; 4) физически здоровый и психически нормальный человек не может вступать в половые отношения с инвалидом.

Государственная социальная политика в отношении нетрудоспособного населения в 1920—1930-е годы реализовывалась в условиях господства и укрепления этих мифов. Однако проблему интимных отношений между инвалидами в учреждении социального обеспечения следует рассматривать прежде всего с точки зрения изучения автономии и самостоятельности проживавших в инвалидных домах граждан, возможности максимально реализовывать свои личные права, насколько им позволяло это делать их физическое и психическое здоровье. Если посмотреть на «половой во-

прос» в инвалидных домах с этой позиции, то вполне очевидно, что при требованиях, установленных правилами внутреннего распорядка в учреждении, можно говорить лишь об ограниченной автономии нетрудоспособных лиц.

Вопрос о сексуальном поведении проживающих в инвалидном доме был еще более острым, чем вопрос о религиозности пожилых людей. С одной стороны, всяческие половые связи в учреждении были запрещены, с другой же — независимо от состояния здоровья, возраста и степени нетрудоспособности для самих инвалидов вопрос интимной близости оставался актуальным.

В 1924 году вышел сборник очерков о жизни нетрудоспособных, собранных инвалидом М. П. Роги. В нем нашли освещение вопросы приватной жизни лиц, проживающих в инвалидных домах, и их потребности в интимной близости. В частности, автор пишет о недовольстве, которое высказывали семейные инвалиды: «Женатый инвалид ругается и тычет костылем... С женой тоже не сладость, куда я ее помещу?.. Разве это дело? Мне койку дали, а жену? Тоже благодетели!.. За людей не считают. Сами с женами живут, а мы должны, как куклы какие. Инвалид не человек поихнему» [Жизнь ..., 1924, с. 16].

Недовольны были и холостые инвалиды: «Иногда [в инвалидном доме] бывают развлечения — обход обнаружил женщин. Нарушены: инструкция, правила, распоряжения. Заведующий грозит милицией... Остальные молча наблюдают даровое представление. Женщина смущенно молчит, она чувствует себя преступницей...» [Жизнь ..., 1924, с. 17].

О том, как тяжело было инвалидам без женщин и как они самостоятельно пытались решить эту проблему, лучше всего говорит еще одно свидетельство М. П. Роги: «Ночью в комнате одиноких слышен страстный шепот и обиды... В следующие дни рядом [с инвалидом] сидит красная от красок проститутка. Приведший ее храбро заявляет: это моя жена. Заведующий машет рукой — разбери, кто жена, кто откуда...» [Жизнь ..., 1924, с. 18].

В официальной переписке заведующих с местной администрацией половой вопрос именовался как «половые ненормальности». В местные органы социального обеспечения от них нередко поступали сведения о том, что «инвалид держал в своей комнате проститутку» или что инвалид «часто ночью пристает к инвалидкам, нанося им всевозможные грязные назойливые приставания к сожительству с ним». В другой раз возмущенный заведующий сообщал: «был случай, когда инвалидку беременную пришлось отправить для родов в дом матери и ребенка, что <...> ложится

пятном на дом инвалидов» и требовал принять к женщине и к остальным «развратникам» самые суровые меры [ГАТО, ф. Р 198, оп. 1, д. 60, л. 42об, 120—121].

В годы нэпа вышестоящие органы не обращали внимания на эту информацию, справедливо полагая, что вмешиваться в личную жизнь инвалидов они не должны. Всю ответственность за «ненормальности» они возлагали на месткомы инвалидных домов, которые «плохо выполняют свою работу». И только когда вопросы сексуального характера вышли за пределы отношений между самими инвалидами, органы социального обеспечения забили тревогу.

Например, в Томске в 1929 году причиной послужило очередное обследование инвалидных домов, когда комиссия горсовета «вскрыла недопустимое поведение и взаимоотношение с инвалидами со стороны женского персонала <...> [и] систематические половые связи вплоть до открытого сожительства <...> Некоторые няни и кухарки заделались женами инвалидов <...> и наделяли их лучшей одеждой, обедом, вниманием и прочим» [ГАТО, ф. Р 198, оп. 1, д. 60, л. 90].

После разбирательства всех сторонних участников ситуации немедленно уволили, но «половая проблема» от этого не исчезла, и, несмотря на всяческие запреты и угрозы, инвалиды продолжали тайно встречаться. Тогда заведующие стали устраивать «личные ночные внезапные обходы с целью изжития половых ненормальностей», однако какова была их результативность, оценить пока не представляется возможным, поскольку в архивных материалах соответствующих сведений не сохранилось.

Запрещались даже самые невинные отношения: «трудовик Чепелев Василий неоднократно замечался в ухаживании за инвалидкой Кривицкой Ольгой... обнаружен факт интимного характера» (этим фактом был всего лишь поцелуй двух молодых инвалидов), «замечены в *каких-то* (выделено мной. — А. К.) отношениях инвалиды труда Михеев и Беженцева Анна» [ГАТО, ф. Р 252, оп. 1, д. 120, л. 112]. Разрешались только «серьезные» отношения, то есть такие, которые могли перерасти в брачный союз. Тогда семейной паре разрешалось остаться в инвалидном доме, равно как и тем, кто уже пришел вместе с супругом-инвалидом. Например, в Иркутском инвалидном доме проживали 4 семьи с детьми и 11 бездетных семейств [ГАИО. ф. Р 558, оп. 1, д. 60, л. 92].

Жить браком в инвалидном доме можно было только инвалидам, а создавать семью с теми, кто жил вне заведения, было запрещено. Интимная связь между теми, кто проживал в учреждении, и «частными лицами» не допускалась. Если кому-то из инвалидов все же удавалось создать се-

мью за пределами учреждения, его немедленно исключали из учреждения, хотя никаких положений ни в официальном законодательстве, ни в правилах внутреннего распорядка по этому поводу не значилось.

Для самих инвалидов отношения с противоположным полом были чем-то вроде связи с прежней жизнью вне инвалидного дома. Там им никто не мог запретить ухаживать друг за другом, и они не могли понять, почему здесь им этого не разрешают. Они переносили свои чувства в инвалидный дом, знакомились, любили, ревновали и даже устраивали драки из-за женщин, потому что интимные отношения для них во многом являлись доказательством полноценной жизни даже после помещения в инвалидный дом.

Поскольку в 1920—1930-х годах существовала единая группа нетрудоспособного населения, куда входили и инвалиды, и пожилые люди, объединенные общим социальным статусом, особый контроль за «половым вопросом» был во многом обусловлен действием среди ее представителей распространенного стереотипа о том, что инвалид — это старик, у которого уже не может быть нормальной сексуальной жизни.

В связи с этим любое стремление к интимной близости рассматривалось руководством инвалидного дома как «распущенность» и «разврат» среди пожилых людей, обусловленные «психическим расстройством умственных способностей». Даже толковые заведующие, каким, например, был вполне лояльный Князев из Омского инвалидного дома (его за понимание проблем высоко ценили сами проживающие), как-то раз, узнав о «разнузданности нравов» в своем учреждении, составил акт, в котором предлагал немедленно «отчислить из инвалидного дома без права обратного поступления двух инвалидов» за то, что они, «Сагурский Борис и Тихоновская Надежда один другого посещают в палатах, [ходят] вдвоем по деревне, и тем подают дурной пример другим» [ИАОО, ф. Р 1026, оп. 1, д. 132, л. 66].

3. Советская евгеника и вопросы репродуктивного поведения в инвалидном доме

Несмотря на все запреты, инвалиды все равно вступали в интимные отношения, создавали семьи, задумывались о том, чтобы в браке и вне брака заводить детей. Однако у государства на этот счет были собственные соображения. В советском обществе при рассмотрении вопросов о том, могут ли инвалиды иметь право иметь детей, господствовали принципы негативной евгеники. А. А. Савчук вполне справедливо указывает, что в знаменитой работе А. Залкинда «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата» (1924) фактически утверждалось: интимные от-

ношения должны быть полностью подчинены интересам воспроизводства здорового потомства [Залкинд, 1999, с. 334].

Советские генетики и сторонники евгенического подхода не стеснялись говорить о том, что необходимо «остановить вырождение русской нации». Биолог и генетик Юрий Филипченко склонялся к принципам отрицательной евгеники, поддерживая «запрет на размножение неудачных особей», для чего следует «прибегнуть <...> к тому достаточно мощному принудительному аппарату, которым располагает <...> государственная власть, и удержать от размножения нежелательные элементы общества» [Филипченко, 2012, с. 255].

Ему вторил советский ученый-евгенист М. Волоцкой, выступавший за стерилизацию инвалидов: «...душевнобольные, слабоумные, идиоты, имбециллики и т. п.... Из евгенических и *этических* (выделено мной. — А. К) соображений не имеем права допускать дальнейшего произведения ими потомства» [Волоцкой, 1923, с. 38].

При обсуждении столь деликатного вопроса не были забыты и бюджетные интересы государства. Известный генетик, стоявший на позициях евгеники, А. С. Серебровский писал о ее полезности: «...сокращение расходов по обслуживанию наследственно-больных (обслуживание больницами наследственных душевных больных, неполная трудоспособность огромной армии глухонемых, слепых <...> и мн. др.) <...> может быть достигнуто применением генетических методов борьбы» [Серебровский, 1990, с. 447].

Неудивительно, что при таком подходе к проблеме у женщин-инвалидов, решивших осознанно или в результате случайного знакомства родить ребенка, в 1920—1930-х годах просто не было шансов стать матерью. Вот во многом показательная ситуация. Заведующий Омским окружным отделом собеса Наумов обнаружил в одном из местных инвалидных домов беременную девушку с инвалидностью II группы и обратился в отдел охраны материнства и детства Окружного отдела здравоохранения с просьбой дать разрешение родильному отделению на производство аборта. При этом Наумов приложил заключение гинекологической амбулатории о медицинских показаниях к производству аборта, а от себя добавил, что «беременность молодой женщины с инвалидностью крайне нежелательна <...> и по социальным показателям» [ИАОО, ф. Р 490, оп. 1, д. 102, л. 170].

Нетрудно догадаться, что конкретно имел в виду чиновник. Воспроизводственная функция у большинства инвалидов, находившихся в учреждении социального обеспечения, была сильно ограничена. Поэтому основным мотивом для него в первую очередь было опасение, что женщина с инвалидностью может принести нездоровое потомство. С другой

стороны, и представители администрации инвалидного дома, и чиновники из собеса в определенной мере несли ответственность за состояние здоровья инвалидов, которое в процессе беременности девушки могло ухудшиться.

Когда беременность становилась реальным фактом, ее пытались всячески скрыть, поскольку это свидетельствовало об управленческой некомпетентности и заведующего, позволяющего «половые ненормальности» в инвалидном доме, и руководства собеса. Были и другие причины — например, фактическая недееспособность лиц с умственной отсталостью, не позволявшая воспитать будущего ребенка и фактически обрекавшая его на сиротство, с которым с переменным успехом боролась советская власть.

На самом деле суть проблемы состояла в том, что при помещении нетрудоспособных граждан в инвалидный дом не учитывалась степень их дееспособности. Вполне дееспособный инвалид по слуху или получивший увечье на производстве имел право создавать семью, а значит, мог свободно общаться с противоположным полом. Однако по своему правовому статусу он фактически был приравнен к умственно отсталым инвалидам, которых в учреждения социального обеспечения было не так много, но ограничение их в репродуктивных правах распространялось и на всех остальных. Дифференциальной диагностики инвалидов по степени дееспособности тогда еще не знали, и в любом случае наличие межполовых отношений всячески утаивалось.

4. Выводы

Подводя итоги, можно привести слова того же М. П. Роги, так охарактеризовавшего интимные отношения в инвалидном доме: «Жизнь пробивается сквозь инструкции». Тот факт, что люди с инвалидностью были вынуждены жить в «закрытом» учреждении, вовсе не означал, что у них не осталось собственных интересов. Менялись их предпочтения, ожидания и надежды, но они стремились жить полноценной жизнью, в которой нет места государственному вмешательству.

Регулирование государственными органами интимной сферы повседневной жизни в инвалидных домах в 1920—1930-х годов привело к полному пренебрежению интересами и нуждами проживающих в них людей. Поэтому интимные отношения в инвалидном доме во многом имели характер протеста против ограничений и запретов, налагаемых на нетрудоспособных граждан. Для большинства инвалидов стал привычным такой образ жизни, где их интересы и потребности стоят на последнем месте. Они были фактически изолированы от общества и перестали быть создателями

своей повседневности, что наиболее ярко проявилось в запрете на интимные отношения. В документах об инвалидных домах за 1930-е годы упоминаний о «половых ненормальностях» уже не встречается, но этот вопрос следует оставить открытым для дальнейших исследований.

Источники и принятые сокращения

1. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области*. Ф. Р 558. Оп. 1. Д. 60.
2. ГАТО — *Государственный архив Томской области*. Ф. Р 198. Оп. 1. Д. 60; Ф. Р 198. Оп. 1. Д. 60, 120.
3. ИАОО — *Исторический архив Омской области*. Ф. Р 490. Оп. 1. Д. 102; Ф. Р 1026. Оп. 1. Д. 132.

Литература

1. Анурин В. Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт / В. Ф. Анурин // Социологические исследования. — 2000. — № 9. — С. 88—95.
2. Волоцкой М. В. Поднятие жизненных сил расы. Один из практических путей / М. В. Волоцкой. — Москва : Жизнь и знание, 1926. — 125 с.
3. Жизнь и быт инвалидов / ред. М. П. Роги. — Москва : На помощь. 1924. — 56 с.
4. Залкинд А. Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата / А. Б. Залкинд // Философия любви. Т. 2. — Москва, 1990. — С. 334—355.
5. Ковалев А. С. Инвалидный дом как институт социальной помощи пожилым людям и инвалидам в 20—30-х гг. XX в. (на материалах Сибири): монография / А. С. Ковалев. — Красноярск, 2013. — 476 с.
6. Ковалев А. С. Повседневная жизнь нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в 20-х гг. XX в. (по материалам сибирских архивов) / А. С. Ковалев // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 1 (53). — С. 55—61.
7. Коллонтай А. Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений / А. Коллонтай // Коммунистка. — 1920. — № 12—13. — С. 28—34.
8. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. — Москва, 2016. — 488 с.
9. Лебина Н. Б. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.) / Н. Б. Лебина, М. В. Шкаровский. — Москва : Прогресс-академия, 1994. — 288 с.
10. Панин С. Е. «Продажная любовь» в Советской России (1920-е гг.) / С. Е. Панин // Вестник Евразии. — 2005. — № 1. — С. 78—108.
11. Пушкарев А. Ранняя советская идеология 1918—1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) / А. Пушкарев, Н. Пушкарева // Советская социальная политика 1920—1930-х годов: идеология и повседневность. — Москва : Вариант, 2007. — С. 199—227.
12. Романов П. В. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. — Саратов : Научная книга, 2006. — 260 с.

13. Романов П. В. Социология тела и социальной политики / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Том VII, № 2. — С. 115—137.
14. Савчук А. А. Была ли сексуальная революция в России в 1920-е гг.? К постановке проблемы / А. А. Савчук // История повседневности. — 2017. — № 3 (5). — С. 22—40.
15. Серебровский А. С. Письмо в редакцию / А. С. Серебровский // Отдельный отгиск из «Медико-биологического журнала». — 1930. — № 4—5. — С. 447—448.
16. Филиппенко Ю. А. Пути улучшения человеческого рода / Ю. А. Филиппенко // Русская евгеника. Сборник оригинальных работ русских учёных. — Москва : Белые альвы, 2012. — С. 255—258.
17. Fitz-Gerald D. Deaf People Are Sexual, Too! / D. Fitz-Gerald, M. Fitz-Gerald // Life Span Development. Bases for Preventive and Interventive Helping. — London : Collier Macmillan Publishers, 1985. — P. 483—488.
18. Shakespeare T. The sexual politics of disability: untold desires / T. Shakespeare, K. Gillespie-Sells, D. Davies. — London; New York, 1996. — 247 p.
19. Williams L. Insiders and Outsiders: normalization and women with learning difficulties / L. Williams, M. Nind // Disability and Society. — 1999. — Vol. 14. — № 5. — P. 659—672

Regulation of Intimate Relations in Homes for Disabled as a Direction of Social Policy of Soviet State in 1920—1930s

© Kovalev Aleksandr Sergeyevich (2018), orcid.org/0000-0002-5372-8930, Doctor of History, professor of the Department of History of Russia, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia), professor of the Department of Social Pedagogy and Social Work, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia), alexkovaleff@yandex.ru.

The relevance of the study is due to the need to study the formation and development of the Soviet state social policy in relation to the disabled population in 1920—1930-ies, including the regulation of sexual relations in homes for disabled. The question is raised about the limits of permissible interference of social security bodies in the private life of people in the care of the state. The views of society and the state on the problem of intimate relations between disabled people in social security institutions, the possibility of disabled people to start families with children are studied. Certain cases are analysed, allowing to consider the specific regulation of intimate relations in homes for disabled. Attention is paid to the opinions of representatives of Soviet eugenics on whether disabled people can have children. The data are given on how the issues related to pregnancy were solved among those living in homes for disabled. It is concluded that the Soviet authorities significantly limited the autonomy of disabled persons in homes for disabled, which was most clearly expressed in the prohibiting intimate relations. The author believes that for

the disabled themselves, sexual relations remained a part of everyday life and were a kind of “proof of life” after being placed in a specialized social security institution.

Key words: home for disabled; disabled people; intimate life; eugenics; sexual relations.

Material resources

GAIO — *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti*. (In Russ.).

GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti*. (In Russ.).

IAOO — *Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti*. (In Russ.).

References

- Anurin, V. F. (2000). Seksualnaya revolyutsiya: dvoynoy standart. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 9: 88—95. (In Russ.).
- Filipchenko, Yu. A. (2012). Puti uluchsheniya chelovecheskogo roda. In: *Russkaya evgenika. Sbornik originalnykh rabot russkikh uchenykh*. Moskva: Belye alvy. 255—258. (In Russ.).
- Fitz-Gerald, D., Fitz-Gerald, M. (1985). Deaf People Are Sexual, Too! In: *Life Span Development. Bases for Preventive and Interventive Helping*. London: Collier Macmillan Publishers. 483—488.
- Kollontay, A. (1920). Tezisy o kommunisticheskoy morali v oblasti brachnykh otnosheniy. *Kommunistka*, 12—13: 28—34. (In Russ.).
- Kovalev, A. S. (2013). *Invalidnyy dom kak institut sotsialnoy pomoshchi pozhilym lyudyam i invalidam v 20—30-kh gg. XX v. (na materialakh Sibiri)*. Krasnoyarsk. (In Russ.).
- Kovalev, A. S. (2013). Povsednevnyaya zhizn' netrudosposobnykh grazhdan v usloviyakh invalidnogo doma v 20-kh gg. XX v. (po materialam sibirskikh arkhivov). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (53): 55—61. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (2016). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voyennogo kommunizma k bolshomu stilyu*. Moskva. (In Russ.).
- Lebina, N. B., Shkarovskiy, M. V. (1994). *Prostitutsiya v Peterburge (40-e gg. XIX v. — 40-e gg. XX v.)*. Moskva: Progress-akademiya. (In Russ.).
- Panin, S. E. (2005). «Prodazhnaya lyubov'» v Sovetskoy Rossii (1920-e gg.). *Vestnik Evrazii*, 1: 78—108. (In Russ.).
- Pushkarev, A., Pushkareva, N. (2007). Rannyyaya sovetskaya ideologiya 1918—1928 godov i «polovoy vopros» (o popytkakh regulirovaniya sotsialnoy politiki v oblasti seksualnosti). In: *Sovetskaya sotsialnaya politika 1920—1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'*. Moskva: Variant. 199—227. (In Russ.).
- Rogi, M. P. (ed.). (1924). *Zhizn' i byt invalidov*. Moskva: Na pomoshch. (In Russ.).
- Romanov, P. V., Yarskaya-Smirnova, E. R. (2004). Sotsiologiya tela i sotsialnoy politiki. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. VII (2): 115—137. (In Russ.).
- Romanov, P. V., Yarskaya-Smirnova, E. R. (2006). *Politika invalidnosti: Sotsialnoye grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii*. Saratov: Nauchnaya kniga. (In Russ.).

- Savchuk, A. A. (2017). Byla li seksualnaya revolyutsiya v Rossii v 1920-e gg.? K postanovke problemy. *Istoriya povsednevnosti*, 3 (5): 22—40. (In Russ.).
- Serebrovskiy, A. S. (1930). Pis'mo v redaktsiyu. In: *Otdelnyy ottisk iz «Mediko-biologicheskogo zhurnala»*, 4—5: 447—448. (In Russ.).
- Shakespeare, T., Gillespie-Sells, K., Davies, D. (1996). *The sexual politics of disability: untold desires*. London; New York.
- Volotskoy, M. V. (1926). *Podnyatie zhiznennykh sil rasy. Odin iz prakticheskikh putey*. Moskva: Zhizn' i znaniye. (In Russ.).
- Williams, L., Nind, M. (1999). Insiders and Outsiders: normalization and women with learning difficulties. *Disability and Society*, 14 (5): 659—672.
- Zalkind, A. B. (1990). Dvenadtsat' polovykh zapovedey revolyutsionnogo proletariata. In: *Filosofiya lyubvi*. Moskva. 2: 334—355. (In Russ.).